

насилія одного человѣка надъ другимъ съ тѣмъ непремѣннымъ условиемъ, чтобы послѣдствiемъ тѣхъ дѣйствiй было бы уничтоженiе или поврежденiе жизни, физическихъ или умственныхъ способностей, извращенiе нравственного или религиознаго чувства, уничтоженiе и поврежденiе общаго благосостоянiя или полнаго благополучiя той личности, надъ которой сдѣлано означенное нравственное или физическое насилие, при чемъ безразлично,—права ли та личность или виновна, вредна или полезна, преступна или невинна, больна или здорова, взрослая ли она или малолѣтняя.

Нѣкоторые лексикографы опредѣляютъ слово обида слѣдующимъ образомъ: вредъ, оскорблениe, насилие, которымъ известная личность несправедливо подвергнута, и этимъ определенiемъ какъ бы даютъ понять, что оскорблениe, вредъ или насилие, нанесенные личности, ничего лучшаго не заслуживающей или подвергшейся тѣмъ насилиямъ по справедливости, вовсе не есть обида. Я отвергаю такого рода толкованiя и называю обиду—обидой, будь она заслужена или незаслужена, преднамѣренна или нечаянна.

На этотъ тезисъ всегда готова масса стереотипныхъ выражений:

— А что, если вамъ будетъ доказано, что подвергать въ нѣкоторыхъ случаяхъ личной обидѣ людей преступныхъ или вредныхъ справедливо и согласно съ Закономъ Бога?—говорятъ одни.

„Тогда, конечно, будетъ доказано, что учение о непротивленiи—ложно“, отвѣчу я.

— А что, если вамъ докажутъ, что нанесенiе мелкихъ частныхъ обидъ предупреждаетъ гораздо большее зло?

„Тогда будетъ доказано,—скажу я,—что люди должны дѣлать зло для того, чтобы вышло добро; тогда будетъ доказано, что миру слѣдуетъ оставаться точь въ точь въ такомъ же состоянiи, въ какомъ находится теперь“.